

АЛЕКСАНДРОВА-ОСОКИНА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ТЕМА В ПОЭЗИИ РИММЫ КАЗАКОВОЙ

Статья обращена к творчеству Р. Ф. Казаковой. Материалом анализа стала лирика, связанная с темой Дальнего Востока и написанная преимущественно в 1954–1961 годах — в «хабаровский период» жизни и творчества поэта. Выявлены гражданские и лирические аспекты в решении «дальневосточной» темы, показано поэтическое содержание образов-концептов «тайга», «Амур», проиллюстрирована «региональная поэтика», уделено внимание лексическим, фонетическим, образно-метафорическим чертам поэтического языка Казаковой.

Ключевые слова: Римма Казакова, литературное краеведение, поэзия шестидесятников, гражданская лирика, региональная поэтика.

Keywords: Rimma Kazakova, literary local history, poetry of the Sixtiers, civil lyrics, regional poetics.

Творчество Риммы Фёдоровны Казаковой (1932–2008 гг.) началось в эпоху оттепели и было частью литературного процесса до конца XX века. У поэта вышло более двадцати сборников стихотворений; широко известны песни на её стихи, а некоторые стали хитами («Ненаглядный мой», «Мадонна», «Безответная любовь», «Ты меня любишь» и др.). Для дальневосточников особо значим тот факт, что профессиональный путь Казаковой начался в Хабаровске: здесь она прожила семь лет (1954–1961 гг.), и здесь состоялось её рождение как поэта: в 1958 году вышел первый сборник стихов «Встретимся на Востоке».

Несмотря на значительность вклада Казаковой в историю русской поэзии второй половины XX века, творчество её практически не исследовано. Монография Т. А. Вечериной и Л. У. Звонарёвой «Труды и дни Риммы Казаковой: “Отечество, работа и любовь”» (2018 г.) [1], объединившая биографический и историко-литературный материал и представившая поэзию Казаковой в неразрывной связи истории и судьбы, является единственным целостным исследованием творчества поэта. Этим обоснована новизна проблематики настоящей статьи.

Цель предпринятого исследования — выявить стихотворения, связанные с Дальним Востоком, и проанализировать их проблемно-тематическое и художественное содержание. Выбранный ракурс изучения поэзии Р. Ф. Казаковой продиктован стремлением осмыслить творчество поэта от самых истоков, что могло бы послужить точкой отсчёта для дальнейших разработок. Актуальность работы обусловлена краеведческим интересом к дальневосточной странице творчества поэта, а также пониманием того, что анализ разнообразных авторских индивидуальностей даёт возможность более полно представить картину литературного процесса в целом.

Материалом исследования стали стихотворения, связанные с дальневосточной тематикой (как вошедшие в первый сборник, так и опубликованные в других изданиях); источником биографических сведений о жизни Р. Ф. Казаковой послужила монография Т. А. Вечериной и Л. У. Звонарёвой, а также ряд других публицистических, исследовательских и литературно-методических материалов [см., в частности: 8; 9].

Поездка Р. Ф. Казаковой на Дальний Восток и почти семилетнее пребывание там были продиктованы стремлением столичной (ленинградской) девушки изменить привычный уклад жизни, бросить вызов привычным обстоятельствам, доказать себе и окружающим свою гражданскую и личностную состоятельность: «Я уехала очень далеко от дома, на Дальний Восток, веруя непреложно, что только на трудных, дальних дорогах встречу, найду самое подлинное, самое настоящее, что есть в жизни. Может быть, характер и получился» [4, с. 5].

На Дальнем Востоке Казакова занималась преимущественно просветительской деятельностью: работала лектором общества «Знание» при краевом Доме офице-

ров и, по её словам, объездила с лекциями все гарнизоны Хабаровского края, «прошла пешком Охотское побережье, знаю Ургал, Малый Хинган, Благовещенск и Николаевск, Курилы и Сахалин, мощный, тигриной масти Амур и ознобно-зеленую Охотскую волну» [цит. по: 1, с. 37].

Стихотворения первого сборника были посвящены темам творчества и личного самоопределения, детства, любви, Великой Отечественной войны и, конечно, теме Дальнего Востока.

Эти произведения отразили общий дух времени начала оттепели. Об идейно-художественной близости Казаковой с эстрадной поэзией шестидесятников писал её современник, поэт К. В. Ковальджи: «Имя Риммы Казаковой неотделимо от лёгкой ауры легендарности. Ворвалась в шумную компанию шестидесятников откуда-то с Дальнего Востока. <...> Её победоносное счастливое самоутверждение сродни евтущенковскому — оно совпало с мироощущением первого послесталинского молодого поколения. Стихи Риммы Казаковой звенели — отлито-личные, узнаваемые и одновременно — поколенческие, наши, шестидесятнические» [цит. по: 5]. Немецкий славист В. Казак, считая Р. Ф. Казакову «одарённым поэтом», подчёркивал, что с шестидесятниками её роднит общий для литературы того времени высокий нравственный накал и характерные черты стиля (образное богатство, лексическая точность, необычность метафор, философичность, символизм) [см.: 2, с. 173].

Эти тенденции творчества поэта легко прослеживаются в стихотворениях «хабаровского периода». Наиболее яркие из них, посвящённые Дальнему Востоку, — это «Скучаю я по новому...», «Дорога открытий», «Амур неуступчив, как море», «Стланик», «Тайга», «У Охотского моря», «Мне опять на Восток», «Рыбалка. Монолог перед воскресной поездкой на Уссури» и ряд других.

С образом Дальнего Востока у Казаковой связана тема вызова, романтического самоутверждения, проверки личной силы и обретения опыта воссоединения с народным трудовым миром дальневосточников.

Мотив выбора, решимости к перемене своей судьбы, к преодолению испытаний доминирует в стихотворениях, связанных с Дальним Востоком:

*И знать я не знаю,
Чем новое встретит,
Но тихого, тусклого дня мне не надо.*
(«Начало пути») [4, с. 71];

*И не придет ко мне покорность,
А будет — вихрем дней и строк —
Неповторимая повторность
Надежд, открытий и дорог.*
(«Дорога открытий») [3, с. 5–6].

Образ Дальнего Востока в стихотворениях Казаковой движется от «внешнего», «поверхностного» взгляда (здесь «солнце неяркое светит, / нет яблок, арбузов и слив» («Советская гавань») [4, с. 15]) или абстрактно-риторических характеристик («где не такое небо, / где не такие люди, / где все иначе будет» («Скучаю я по новому...») [3, с. 11]) к постижению внутренней сущности дальневосточной земли и к осмыслению меры своего слияния с ней.

Гражданская тема, характерная для поэзии Казаковой (как и вообще для поэзии шестидесятников), в «хабаровский период» её творчества воплощается в стремлении поэтически осмыслить глубинную сущность дальневосточной земли, увидеть метафизическую связь природы и сформированного здесь характера человека.

Сквозным для дальневосточной темы является у Казаковой образ дальневосточной земли как места людей дела, а не слова.

*Там жил артельный верный люд —
на совесть чист, до дела крут.
Там слов не тратили без толку.
Там честно подчинялись долгу.
(«У Охотского моря») [3, с. 36].*

Символическим воплощением образа Дальнего Востока становится образ тайги из одноимённого стихотворения, где декларируется мотив духовной силы и ответственности:

*Тайга строга. В тайге не плачут <...>
В тайге за все в ответе сами,
За все в тревоге наперед.
<...>
Ты не для труса, не для трутня,
Ты для работника, тайга.
(«Тайга») [3, с. 14].*

Сквозным является образ Дальнего Востока как «сурового пространства», в котором раскрывается искренность сердца:

*Вот так суровость
обернется светом,
Глазами,
Откровенными до дна.
(«Стланик») [3, с. 16];*

*Волна обугливала руки,
Но душ коснуться не могла.
(«У Охотского моря») [3, с. 36].*

Лейтмотивом проходит мысль о том, что Дальний Восток — пространство не для слабых; лирическая героиня, сумевшая «освоить» это пространство, противопоставляется тем её ровесникам-современникам, кто не принял этот вызов, кто не способен «без боязни уехать дальше Клязьмы» (неточная цитата. — О. А.) [3, с. 26].

Важным составляющим элементом поэтической семантики образа Дальнего Востока у Казаковой становится сила магического притяжения дальневосточной земли:

*Скучаю я по новому,
По воздуху сосновому,
По зарослям даурским,
По заводам амурским.
(«Скучаю я по новому») [3, с. 11];*

*Закат на Амуре
Припомнив однажды,
Начну вспоминать его чаще и чаще <...>
Так властно меня позовет Приамурье,
Хабаровск,
Просторное небо Востока.
(«Я в отпуск поеду...») [3, с. 44];*

*Но люблю я просторы,
Люблю я дорогу!
Сердце снова в пути.
(«Мне опять на Восток») [3, с. 45];*

*Не поеду я в Сочи,
Где солнце, песок,
А поеду я в сопки,
На Дальний Восток <...>
Мне нужны эти сопки,
Высоты мои.
Мое сердце, как соты,
Тяжело от любви.
(«Сопки») [3, с. 212–213];*

*И вот на западе, на западе
Всё пахнет мне моим востоком,
А встретимся — о, как повисну я
На вас, друзья: деревья, сопки!
Не ты, восток, а я провинция.
Моя столица на востоке!
(«Над нами власть имеют запахи») [3, с. 211].*

Дальний Восток рисуется как пространство настоящего, истинных ценностей: здесь «проще, но многое на ощупь», «легче, но больший груз на плечи» [3, с. 11].

Тема целительной силы дальневосточной земли развивается в стихотворении «Рыбалка. Монолог перед воскресной поездкой на Уссури» [4, с. 222–223]. Поэтическая форма стихотворения — исповедь лирической героини о поиске ценностной опоры жизни и смысла жизни и творчества. Рыбалка выступает в стихотворении символом, обозначающим такое пространство, которое даёт душевное исцеление и импульс для творчества. Атрибутами этого пространства являются

целостность и гармония природного мира («<...> облака в истоме, / И солнце поднимается в зенит, / И вся река, как кремень на изломе, / Ребристыми чешуйками звенит»), простота и естественность рыбацкого быта, способные вернуть человеку знание об истинных и о мнимых ценностях («Я словно бы вернулась издалёка»), и, наконец, возможность исповедального монолога между мужчиной и женщиной: «Я всё тебе скажу, как на духу» и, с другой стороны, «И до кости обнажена безгрешно / Мужская угловатая душа» [4, с. 223].

В поэтическом мире стихотворения хабаровская земля противопоставлена Приморью («Ну, ездила недавно я в Приморье. / Там хорошо: и море, и приволье <...> А думается трудно и коряво. / И нечего мне взять у тех красот») и техническому пространству некоего завода («Я побывала на одном заводе. / Пылали печи, грохотала жечь... / А всё, что написала, надо сжечь») [4, с. 222] — в художественной концепции автора именно земля Приамурья способна дать исцеляющую силу для творчества.

Стихотворение обращено к В. П. Сысоеву и является одновременно и исповедью, и просьбой: «Ты бы не взял меня с собой, Петрович?», «Возьми с собою. В лодку посади». Всеволод Петрович Сысоев — это известная и, можно сказать, легендарная фигура в культуре Хабаровска — охотовед, педагог, писатель (как покажет вся его дальнейшая жизнь, страстно влюблённый в природу Дальнего Востока); обращение к этому конкретному адресату не только наполняет культурными реалиями поэтический хронотоп стихотворения, но и формирует образ человека-дальневосточника, обладающего, по мысли автора, целостностью души.

В «хабаровский период» уже стала заметна специфика поэтики Казаковой: для неё, как и в целом для поэзии шестидесятников, характерно соединение классической традиции и новаторства. Лирике тех лет были присущи «самоценная игра слова, образа, поэтической формы. Ритуал и вызов, узнавание и отстранение сходились в непротиворечивом единстве» [7, с. 62]. Эти тенденции окрашивали и дальневосточную лирику Р. Ф. Казаковой.

«Классическую» грань её поэтического слова характеризуют напевность, лиризм, метафоры и эпитеты с прозрачной семантикой, визуализация.

Мотив родства лирической героини с миром дальневосточной природы реализуется в стихотворении «Стланик»:

*Висит над морем
Веточка резная:
Разлаписта,
Мохната
и крепка.
И вспомнилась, а почему — не знаю,
Колючая отцовская щека.*
[4, с. 16].

Многие образы несут на себе печать регионального колорита: «А воздух чист, как ядрышко орешка» [4, с. 223], «А сопки, по-человечьи / Продрогнув до синевы, / Кутают круглые плечи / В бурую шаль листвы» [4, с. 15], «словно корень женьшеневый, песня моя» [4, с. 104], «боярка, как боярыня, раскинула себя» [4, с. 105]. В поисках наиболее выразительного, художественно ёмкого образа поэт использует игру слов и звуков, поэтическую паронимию: «В Хабаровске, на Комсомольской площади / голубоперые, / гуляют голуби» («Голуби») [4, с. 103].

Поэтическими регионализмами дальневосточной поэзии Казаковой становятся топонимы, слова, обозначающие дальневосточные реалии: Амур, Хабаровск, Охотск, Советская Гавань, тайга, сопки, стланик, шелкап (название ветра) и ряд других.

Образ Амура выступает как символ стихии, бунта («Амур неуступчив, как море / <...> / Грозится: разрушу, размою! / И серые камни громит»); это стихийное начало поэт ощущает родственным своей душе («Ты мне — и любовь, и столица, / И слабость моя, и броня») («Амур неуступчив, как море») [4, с. 28].

Новаторская, авангардная линия поэзии Казаковой представлена лирикой с подчёркнутой гражданской тематикой; для поэтического языка характерны необычные ассоциации, метафоры со сложной семантикой, парадоксальность.

Выразительной иллюстрацией новаторской поэтики Казаковой может быть стихотворение «Тайга». Создавая образ тайги как места испытания физических и духовных сил человека, поэт обращается к образам, построенным на гротеске, отдалённых метафорических и метонимических ассоциациях, которые в совокупности с усложнением поэтического синтаксиса, фонетическими и ритмическими акцентами создают сложную форму, передающую не визуальное или эмоциональное содержание, но систему концептуальных представлений.

*В тайге за всё в ответе сами,
за всё в тревоге наперёд,
сквозь зиму честно тащат сани
и лето переходят вброд.
Тайга с безмерными вещами,
с добром, чей мёд всегда горчаш,
...
с тысячелетними хвощами,
с тысячевёрстными плащами
глухих тысячеглазых чащ.
<...>
Тайга, где тонут,
где не стонут,
до крови ноги разодрав,
где всё — до капли — жизни стоит,*

где надо всё ещё построить
над омутом дремучих трав! [4, с. 13].

В дальневосточной поэзии Р. Ф. Казаковой проявилась тенденция и к философичности, при которой бытовые, психологические, природные образы нагружались (обогащались) комплексом значений, связанных с темой жизни и смерти, вечности, смысла бытия. Показательно стихотворение «Мыс Нагдан»¹. Мыс Нагдан в философско-поэтической концепции стихотворения выступает знаком вечности, природно-историческим объектом, обладающим сознанием, волей, памятью и даром предвидения:

Красивое название у мыса.
Суровое название —
Нагдан. Какие нерассказанные мысли
Укутал мыс в береговой туман?
<...>
Мыс чутко ждёт.
И в том, что шепчут волны,
... Угадывает праздники и войны,
Угадывает свой далёкий час. [4, с. 93, 94].

В философско-поэтическом мире стихотворения мыс в своей надмирности и приобщённости к вековым тайнам жизни одинаково противопоставлен житейской прагматике и человеческой учёности: «Не нужен ни начхозам, / Ни учёным / И только сам себе необходим» [4, с. 93]. В поэтическом мире стихотворения мыс Нагдан наделён «углублённостью», «цельностью», «влюблённостью», «гранитным сердцем», «болью за своё одиночество» — он показан как знак самой жизни на земле, при этом лирическому герою дана возможность прикосновения к этим тайнам: «я понимаю эту углублённость».

В контексте стихотворения метафора «мыс — мудрец» разворачивается в сюжет о вечных философских тайнах мира, открытых, однако, поэтической интуиции поэта.

Значимым и, можно сказать, веховым в поэзии «хабаровского периода» видится стихотворение «Я уезжаю. Мучает, морочит...» [4, с. 224–225]. Это стихотворение-прощание не только с дальневосточной землёй, но и со значительным этапом своей жизни и творчества, можно сказать, прощание с юностью.

Исследователями отмечалось, что жанровая форма стихотворения-прощания имеет элегическую природу, «утрата обычно порождает медитацию... Расставание (с кем-то или кем-то) вызывает потребность высказаться обо всём, лично связанном с исчезающим, уходящим» [6, с. 1].

Именно этим элегическим чувством проникнуто стихотворение Казаковой; рефреном проходит образ «прости-прощай» (в 40 стихотворных строчках (стихах) слово повторяется 11 раз): «простите меня, веточки Охотска», «прости, Хабаровск. Как светло глядишь ты», «прощай, Совгавань! Больше не поспорим...». Оставляемая дальневосточная земля у Казаковой называется «домом», «родиной»: «Прощай, мой дом! <...> / Всё это юность, родина моя», «И дым, что пахнет едко и прогоркло, — / Всё тот же дым отечества для нас...».

Мотивы родства с землёй и духовного взросления, воплощённые в лирике «хабаровского периода», в анализируемом стихотворении приобретают подтверждение и своеобразное подытоживающее содержание: звучит мысль о том, что хабаровская земля стала родиной — в том смысле, что здесь состоялось рождение и становление Риммы Фёдоровны Казаковой как поэта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вечерина, Т. Труды и дни Риммы Казаковой: «Отечество, работа и любовь...» / Т. Вечерина, Л. Звонарёва. — Москва: Academia: Вест-Консалтинг, 2018. — 344 с.
2. Казак, В. Казакова Римма Фёдоровна: [пер. с нем.] / В. Казак // Лексикон русской литературы XX века. — Москва, 1996. — С. 172–173.
3. Казакова, Р. Ф. Встретимся на Востоке: стихи / Р. Ф. Казакова. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1958. — 80 с.
4. Казакова, Р. Ф. Избранные произведения: в 2-х т. Т. 1: Стихотворения. — Москва: Худож. лит., 1985. — 447 с.
5. Карпенко, А. Рифмы неистойой Риммы / А. Карпенко // Южное сияние. — 2019. — № 3. — Рец. на кн.: Вечерина, Т. Труды и дни Риммы Казаковой: «Отечество, работа и любовь...» / Т. Вечерина, Л. Звонарёва. — Москва: Academia: Вест-Консалтинг, 2018. — 344 с.; То же. — Текст: электронный. — URL: <https://журнальныймир.рф/content/rifmy-neistovoy-rimmy> (дата обращения: 07.09.2022).
6. Ляпина, Л. Я. Традиция прощаний с Петербургом в лирике IX–XXI вв. / Л. Я. Ляпина // Учён. зап. Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. — 2018. — № 5 (17). — С. 1–6.
7. Плеханова, И. И. Эстетика поэтической игры и чувство времени в поэзии «оттепели» («гражданская поэзия» и лирика Н. Глазкова) / И. И. Плеханова // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог: сб. ст. — Томск, 2002. — С. 60–76.
8. Римма Казакова: сайт. — URL: <http://rimma-kazakova.ru> (дата обращения: 02.09.2022). — Текст, изображение: электронные.
9. Сценарий литературно-музыкальной композиции «Лирические стихотворения Риммы Казаковой». — Текст: электронный // Инфоурок. Литература: сайт. — URL: <https://infourok.ru/literaturno-muzykalnaya-kompoziciya-liricheskie-stihotvoreniya-rimmy-kazakovo-4111174.html> (дата обращения: 10.09.2022).

Материал поступил в редакцию 28.09.2022.

Сведения об авторе: Александрова-Осокина Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Тихоокеанского государственного университета, и. о. заведующего кафедрой (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: osokina-11@mail.ru; тел. 8-914-773-77-09.

¹ Мыс в Охотском море; правильное географическое название — Нонгдан.